

THE STRUCTURE OF THE MAURYAN EMPIRE ACCORDING TO ASHOKA'S EDICTS

D.N. Lelyukhin

The article is devoted to the analysis of the materials of the edicts of Ashoka, the ruler of one of the largest state entities in ancient India, on the structure of his empire.

One of the principal results of the analysis was the conclusion that the model of a centralized state accepted by the majority of Indologists cannot be identified with the model of the state reflected in «Arthashastra» by Kautilya which has directly opposite characteristics.

The examination of the politico-geographic notions reflected in Ashoka's inscriptions has shown that the Indians placed their native territories «in the center of the world» putting other peoples and kingdoms in the «outlying areas». The structure of the Mauryan empire looks similar in the concepts of the authors of the edicts. They clearly single out the "nucleus" of the empire (most likely, the regions of central India and the Ganges valley, briefly referred to as "here") and the provinces called "outlying areas" (the meaning of the term in the inscriptions has a political rather than geographic connotation). The tribes and kingdoms situated on the outlying territories probably had different relationships with Magadha. The whole gamut of relations from the complete subordination to the Mauryan king to only formal recognition of Ashoka's power existed and was constantly recreated there. Some of the provinces were obviously conquered and included within the framework of the empire, others, probably, submitted to his power voluntarily. There were also independent "outlying areas" where the authors of the edicts placed the Seleucid and other kingdoms. The position of the territories, tribes and kingdoms in the "outlying areas" (which could be situated in the immediate vicinity of Magadha, for example, in Kalinga), their relations with the center could hardly be stable; they changed with time depending on specific conditions. In our opinion it is impossible to clearly identify the borders of the Mauryan empire. One could speak only about the zone of the Mauryas influence, the limits of which could be outlined but tentatively.

If one disregards the model of a centralized bureaucratic state, usually used by Indologists to systematize the information on the Mauryan empire and to interpret the edicts terminology, it is not difficult to notice that Ashoka's inscriptions themselves do not bear any evidence confirming the existence of such a state.

The Mauryan empire united peoples at different development stages, possibly with different forms of social organization and governing bodies. Keeping in mind the evidence of the diversity of its structure (the empire included tribes, kingdoms), one may doubt the adequacy of the generally accepted notion of the first all Indian empire.

Историческая география античного Причерноморья

© 1998 г.

ОБ ЭПИКЛЕЗЕ ТАВРСКОГО БОЖЕСТВА У АММИАНА МАРЦЕЛЛИНА*

В первом экскурсе Аммиана Марцеллина о Понте Эвксинском, включенном в XXII книгу его «Res gestae», есть сведения о племенах тавров, в частности об их религии. «Ведь они, – пишет римский историк IV в., – почитая богов человеческими жертвоприношениями и принося пришельцев в жертву Диане, которая у них называется Орсилохой, прибавляли головы убитых к стенам святилища, словно вечные памятники мужественных подвигов» (XXII. 8. 34)¹.

* Статья написана в рамках проекта «Историческая география античного Причерноморья», поддержанного РФФИ. Код проекта № 96-06-80053.

¹ Deos enim hostiis litantes humanis et immolantes advenas Dianae, quae apud eos dicitur Orsilochae, caesorum capita fani parietibus praefigebant velut fortium perpetua monumenta facinorum // Ammiani Marcellini Rerum gestarum libri qui supersunt / Ed. W. Seyfarth. V. I–II. Lpz, 1978.

Глубокие познания Аммиана Марцеллина, его начитанность как в греческой, так и в римской литературе, давно признаны исторической наукой. Особенно часто он использовал знания, накопленные его предшественниками, в экскурсах о ближних и дальних соседях Римской империи, о народах, живущих на периферии греко-римской ойкумены. Приведенное выше сообщение о таврах почти полностью укладывается в рамки античной традиции об этих племенах древней Тавриды.

Со времени Геродота стали известны их обычаи. По словам «отца истории», тавры «...приносят в жертву Деве и потерпевших кораблекрушение, и тех эллинов, которых они захватят, выплыв в море...» (IV. 103)². Эти сведения повторялись античными авторами довольно часто в течение почти десяти веков главным образом для подтверждения тезиса о жестокости и дикости варваров³. Так же, как Геродот, Девой таврскую богиню именуется только Афанасий, александрийский епископ IV в. Он достаточно точно излагает эту часть скифского рассказа Геродота, не преминув, как и другие церковные авторы III–IV вв., обличать нравы язычников с позиций благочестивого христианства (Og. in Hell. 25). Все остальные писатели, в той или иной связи упоминающие эти варварские племена, называют знакомые, привычные для них имена. Связь божества, почитаемого таврами, с греческой мифологией, намеченная еще в «Киприях» (Procl. Chrestom. I), в классическую эпоху получила двойное развитие. Согласно греческому мифу о жертвоприношении Ифигении, с ним отождествлялась либо богиня Артемида Тавропола, как в трагедии Еврипида «Ифигения в Тавриде» (Eurip. Iph. Taur. 35–36, 1423), либо сама Ифигения: «Богиню, которой приносятся там жертвы, сами тавры называют Ифигенией, дочерью Агамемнона» (Herod. IV 103)⁴. Версия, по которой Ифигения стала жрицей Артемиды в далекой Таврике получила гораздо более широкое распространение в античной литературе⁵, хотя более древним является сказание, зафиксированное Геродотом, по которому Ифигения получила в новой стране божественную природу⁶.

Оба варианта отождествления таврского божества с греческими богами порождены общими чертами культа и отразили близость религиозных верований. В образ Артемиды, культ которой восходит к крито-микенскому времени⁷, почитавшейся классическую эпоху в самых разнообразных формах не только в Греции, но и повсюду в античном мире⁸, и имевшей великое множество эпитетов и ипостасей⁹, слились женские божества многих областей с различными функциями, в том числе архаически

² Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Текст пер., комм. М., 1982. С. 141.

³ Eurip. Iph. Taur. 389–390; Schol. in Kallim. Gymn. III. 174; Sext. Emp. Pyrron. h. I. 149; Diod. IV. 40. Strabo. VII. 4. 2; Eustaph. Comm. in Dion. Per. 146; Cic. De re publ. II. 9. 15; Juvenal. Sat. V. 15. 115–119; Soli XV. 14. Сведения данных авторов, а также тех, которые будут использованы ниже без указания издания взяты из труда: Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе СПб. Т. I. 1890–1899; т. II. 1904–1906.

⁴ См. также Apollod. Epit. III. 22 // Apollodori Bibliotheca / Ex rec. R. Hercheri. B., 1876; Paus. I. 43. 1 Pausaniae Graeciae descriptio / Ed. H. Hitzig. V. 1–3. Lipsiae, 1896–1910.

⁵ Kallim. Gymn. III. 174; Schol. in Lycophron. Alex. 183. 1374; Skymn. 828–834; Diod. II. 46. 2; IV. 44. Eustaph. Comm. in Dion. Per. 306; Lucian. Serm. d. 16, 23; Theophil. In Autol. I. 10; PPE 79; Clim. Alex. Prc III. 42; Liban. Art.; Greg. Nas. Nonn. VII, XII; Hugin. Fab. CXX; Ovid. Tr. IV. 4. 55–88; Pomp. Mela. De chor. I 11; Honor. Comm. in Verg. Aen. III. 331; Schol. in Horat. Carm. I. 7. 10; Schol. in Lucan. VII. 778; Paus. IX. 6; Apollod. Epit. III. 22; VI. 27; Incert. Octav. 979–983; Schol. in Stat. VIII. 437; Tertull. Scrop. 7; Lact. Div inst. I. 21.

⁶ Толстой И.И. Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. Пг., 1918. С. 122.

⁷ Dietrich B.C. The Origins of Greek Religion. B. – N.Y., 1974. P. 154; Джеймсон М.Г. Мифология древней Греции // Мифология древнего мира. М., 1977. С. 261; Тахо-Годи А.А. Артемида // Мифы народов мира. Т. I. М., 1980. С. 107.

⁸ Сазанов А.В. К изучению теонимии Боспорского царства // Этническая ономастика. М., 1984. С. 15.

⁹ Schreiber. Artemis // Roscher W.H. Ausführliches Lexicon der griechischen und römischen Mythologie. B. Lpz, 1884. Sp. 1335–1440.

богини плодородия, растительности и природы вообще¹⁰, одной из которых первоначально, вероятно, была и Ифигения. Именно отголоски культа прародительницы, покровительницы и властительницы всего живого и мертвого¹¹, уходящего своими корнями в палеолит¹², послужили основой для сближения в представлении греков таврской богини с Артемидой¹³. О том же свидетельствуют следы человеческих жертвоприношений Артемиде в Спарте и Аттике¹⁴ и воспоминания о них, сохраненные храмовыми легендами в Ахайе и Аркадии (Paus. VII. 19. 3; VIII. 22. 7; 23. 7).

Сходные процессы сложения поливалентных образов богов, в частности италийской Дианы, имели место и в римской религии¹⁵. Она являлась и лесной богиней, покровительницей растительности и животных, и луной, и родовспомогательницей¹⁶. Так как латинская и греческая богиня имели много похожих функций и аналогичных сфер действия, то идентификация Дианы с Артемидой могла произойти очень рано¹⁷. Все авторы, писавшие на латинском языке, именуют таврское божество Дианой¹⁸, и Аммиан Марцеллин в своем пассаже о таврах поступает точно так же.

Оставаясь в русле предшествующей традиции, сообщение Аммиана представляется весьма любопытным, так как содержит очень необычную эпikleзу Дианы – Орсилоха (Orsilochē). В качестве эпитета Артемиды или Дианы это имя не встречается ни в одном произведении, кроме «Res gestae». Только один раз в дошедшей до нас литературе, правда, в несколько иной форме (Orsilochēia), оно употребляется в поэме Никандра Колофонского «Превращения» по отношению к Ифигении. Сохранился следующий фрагмент этого сочинения: «Но Артемида вместо Ифигении представила к алтарю теленка, а ее унесла весьма далеко от Эллады на так называемый Эвксинский Понт к Фоанту, сыну Борисфена, и туземный кочевой народ назвала таврами, потому что вместо Ифигении представила к алтарю бычка, а себя – именем Таврополы. По прошествии времени она переселила Ифигению на так называемый Белый остров к Ахиллу, посредством превращения сделала ее вечно юным и бессмертным божеством и из Ифигении переименовала в Орсилохию; и стала она подругой Ахилла» (Nicanor. Met. fr. 58). Об этом александрийском поэте II в.¹⁹ известно немного, ни одно из его сочинений не дошло до нас полностью. Из античных авторов только Цицерон в трактате «Об ораторе» (I. 69) упоминает поэму Никандра о сельском хозяйстве, прекрасно написанную, по его мнению, не из-за познаний автора в земледелии, а вследствие поэтического таланта²⁰. В первой части процитированного выше отрывка Никандр, вслед за Еврипидом, объясняет происхождение эпитета бравронской Артемиды²¹, во второй – комбинирует, стараясь связать в единое целое, ряд отдельных

¹⁰ См. *Apollod.* Epit. II. 5. 3; *Paus.* III. 16. 11; 17. 1; 20. 7; IV. 34. 6; V. 15. 7.

¹¹ *Лосев А.Ф.* Мифология греков и римлян. М., 1996. С. 86.

¹² *Бибиков С.Н.* Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская на Днестре. К истории ранних земледельческо-скотоводческих племен на юго-востоке Европы // МИА. 1953. 38. С. 248.

¹³ *Артамонов М.И.* Антропоморфные божества в религии скифов // АСГЭ. 1961. 2. С. 71–72.

¹⁴ *Paus.* III. 16. 9–10; *Eurip.* Iph. Taur. 1425–1427.

¹⁵ *Штаерман Е.М.* От религии общины к мировой религии // Культура древнего Рима. Т. I. М., 1985. С. 110, 118.

¹⁶ *Cic.* De nat. deor. II. 27. 68–69 // См. также *Birt.* Diana // *Roscher.* Op. cit. Sp. 1002 ff.

¹⁷ *Birt.* Op. cit. Sp. 1010; *Штаерман.* Ук. соч. С. 146.

¹⁸ *Ovid.* Met. XIV, 331; XV. 488; *Schol.* in Horat. Carm. I. 7; 10; Honor. Comm. in Verg. Aen. III. 331; *Schol.* in Juven. V, sat. XV, v. 115–119; *Hygin.* Fab. CXX; *Tertull.* Scorpi. 7; *Lact.* Divin. inst. I, 21.

¹⁹ *Regling K.* Nikandros // RE. 1936. Hlbd 33. Sp. 247.

²⁰ *Cic.* De or. I. 69.

²¹ Уже давно установлено, что это местная храмовая легенда, приуроченная к Таврике в сравнительно позднее время (см. *Толстой.* Остров Белый... С. 134, 144; *Дьяков В.Н.* Таврика в эпоху римской оккупации // Уч. зап. МГПИ им. В.И. Ленина. 1942. Т. 38. Вып. 1. С. 20). Эпитет Таурополю носили не только Артемиды (она – в последнюю очередь), но и Деметры, Афина, Гелиос как покровители крупного рогатого скота (см. *Schreider.* Op. cit. Sp. 567).

легенд и различных версий мифа об Ифигении. К древнейшим из них относится сказание о ее бессмертии, а к наиболее поздним – рассказ о браке с Ахиллом²².

Новое имя Ифигении, по Никандру, – Орсилохия. С известной долей вероятности правомерен вывод, что Аммиан Марцеллин знал произведение александрийца, но в подлиннике или в изложении неизвестных нам авторов, – установить не удастся, как нельзя ответить с уверенностью, является ли это прозвище вымыслом Никандра или взято им из устных преданий или предшествующей литературы.

У. фон Виламовиц-Мёллендорф перевел имя «Орсилохия» с древнегреческого²³ как «родовспомогательница» (*Geburtsbeförderin*)²⁴. Это значение было принято и перенесено на Орсилоху Аммиана Марцеллина²⁵ для подтверждения идентификации черноморской Ифигении с Артемидой²⁶ и их обеих с таврским божеством как Великой Богиней-Матерью, доминирующее значение культа которой свидетельствует о сильных элементах матриархата у тавров²⁷.

Бесспорно, и мифология, и лингвистический анализ данного слова дают основания для такой интерпретации. Действительно, греческая Артемида и италийская Диана олицетворяли собой лунный культ, властвовали над женами и покровительствовали родам, имея соответствующие эпитеты²⁸. Слово Ὀρσίλοχία восходит к глаголу ὀρίζω («поднимать, побуждать») и существительному ἡ λοχία («роды»). В надписях встречается эпиклеза Артемиды Λοχία или Λοχία²⁹. Но ведь второй составляющей, особенно для формы Ὀρσίλοχη, может быть и слово ὁ λόχος, которое имеет значение «засада, отряд, толпа», и только очень редко – «роды»³⁰. Поэтому правомерен и другой перевод: «поднимающая отряды», «предводительница». Данные ономастики подтверждают такое толкование и с точки зрения языка: в гомеровском эпосе, а также у Аристофана и Вергилия неоднократно встречается мужское личное имя Ὀρσίλοχος или его вариант Ὀρτίλοχος³¹, образованное от двух указанных корней³².

Свидетельства в пользу предложенной гипотезы можно найти и в полисемантической самого греческого женского божества. Этимология имени Артемиды неясна³³, одно из множества объяснений производит его от слова ἄρτατος – «воительница, убийца» (*Schlächter*)³⁴. Павсаний упоминает о трех храмах Артемиды в различных местностях Греции с эпиклезой Ἡγεμένης и излагает легенду, согласно которой богиня побудила будущего строителя одного из них на восстание против тирана Орхомена (III. 14. 6; VIII. 36. 6; 47. 4), что по смыслу очень близко к Ὀρσίλοχη в нашей трактовке.

²² Толстой И.И. Миф о браке Ахилла на Белом острове // ЖМНП. 1908. Июнь. Отд. класс. фил. С. 251, 258; *он же*. Остров Белый... С. 121; *Kjellberg*. Iphigenia // RE. 1916. Hlbd 18. Sp. 2616.

²³ Надо отметить, что ни лингвистика, ни текст Аммиана Марцеллина не дают оснований считать это имя таврским. Ср.: «Аммиан Марцеллин говорит о том, что местные племена убогаторяли своих богов человеческими жертвами. "Пришельцы", по словам этого автора, закалывались в честь Дианы, которая на языке местных племен (разрядка наша. – И.Е.) именовалась Орсилохой» (*Грач А.Д.* К вопросу о позднем этапе «тавроскифских» культовых представлений // СЭ. 1952. № 4. С. 179).

²⁴ *Wilamowitz-Möllendorff U. von*. Die beiden Elekten // *Hermes*. 1883. Bd 18. S. 260.

²⁵ *Wernicke*. Op. cit. Sp. 1395; *Kruse*. Orsilochie // RE. 1942. Hlbd 36. Sp. 1419.

²⁶ Толстой. Миф... С. 256.

²⁷ Дьяков. Ук. соч. С. 19 сл.; *Лесков А.М.* Горный Крым в первом тысячелетии до нашей эры. Киев, 1965. С. 185.

²⁸ *Hom.* II. XXI. 483 // *Homeri Ilias* / Ed. G. Dindorf. Ed. quinta cur. C. Hentze. P. I. Lipsiae, 1901; *Eurip.* Iph. Taur. 1430–1433; *Apollod.* I. 4. 1; *Cic.* De nat. deor. II. 27; 68–69. См. *Schreiber*. Op. cit. Sp. 572.

²⁹ См. *Liddel H.G., Scott R.* Greek-English Lexicon. V. I–II. Oxf., 1940. P. 1062, 1255.

³⁰ *Ibid.* P. 1063.

³¹ *Hom.* II. V. 542, 546, 549; VIII. 274; Od. III. 489; XIII. 260; XV. 187; XXI. 16 // *Homerus*. *Odyssee* // Rec. O. Henke. Lpz – B., 1994; *Aristoph.* Lys. 725 // *Aristophani Comoediae* / Rec. F.W. Hall, W.M. Geldart. T. II. Oxonii, 1914; *Verg.* Aen. XI. 636, 690, 694 // P. Vergilius Maro. *Aeneis* / Rec. O. Ribbeck. Lipsiae, 1872.

³² *Chantraine P.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque. P., 1968. P. 823; *Bechtel F., Fick A.* Die griechische Personennamen. Göttingen, 1894. S. 192, 226.

³³ *Chantraine*. Op. cit. P. 117.

³⁴ *Gruppe O.* Griechische Mythologie und Religionsgeschichte. München, 1906. S. 1267. Anm. 2.

Таким образом, воинственность, по бытующим представлениям более свойственная Афине, в какой-то мере была присуща и Артемиде. Между прочим, такой исконно воинский атрибут, как щит, украшал одну из ее статуй (Paus. IV. 13. 1).

Черты богини-покровительницы воинов еще более развиты у римской Дианы. Имеется множество посвященных надписей Диане от имени воинов и ветеранов, иногда от целых подразделений, а также от представителей командного состава: легатов, префектов легионов, военных трибунов (CIL III. 945, 1000, 3365, 3632, 4232, 4360–4363, 4393, 6161, 6320). Видимо, в военных кругах Диана была довольно популярна и почиталась как защитница и покровительница на войне, поскольку в некоторых надписях она названа *victrix* (CIL. VIII. 9790), *invicta* (CIL. III. Suppl. 7445, 7650; XIV. 2495a), *conservatrix* (CIL. V. 3223; III. 3074, 3632), а иногда упоминается вместе с такими военными божествами, как Марс и Виктория³⁵. Известно, что при Августе был построен храм Дианы победительницы³⁶.

Аммиан Марцеллин много лет провел на службе в римской армии (Am. Marc. XIV. 9, 1; XVI. 10, 21) и, вероятно, хорошо знал о данных функциях Дианы. Длительный период несопокойного существования Римской империи, наполненный внутренними конфликтами и внешними войнами, выдвинул на первый план, отгеснив другие, эту сторону культа, во всяком случае в провинциях. Несмотря на то что Аммиан Марцеллин по происхождению – грек (Am. Marc. XXXI. 16. 9) и хорошо знал греческую культуру, он был все же настоящим римлянином, поэтому римские представления не были для него чем-то внешним, а составляли органическую часть его мировоззрения. Это следует учитывать при интерпретации любой части его сочинения.

В экскурсе о Фракии Аммиан Марцеллин сообщает о диком и необузданном племени скордисков, приносившем пленных в жертву каким-то воинственным божествам, названным именами римских богов войны Беллоны и Марса (XXVII. 4. 4). Нам кажется, что и Диана Орсилоха у тавров в его понимании – это скорее не архаическая богиня-прародительница, а свирепая и кровожадная воительница, аналогичная Беллоне скордисков. Аммиан Марцеллин подчеркивает, что тавры «...страшны дикой жестокостью» (XXII. 8. 33). Все историко-этнографические отступления в его произведении проникнуты единым настроением и мыслью, развивая главную тему «Res gestae» – напряженную борьбу римского мира с варварами³⁷.

Если признать предложенную интерпретацию эпиклезы Дианы обоснованной, то она станет еще одним свидетельством того, что Аммиан не был механическим компилятором даже в тех частях своего сочинения, в которых использовал материал предшествующей традиции, а вносил в него свои представления и идеи.

Насколько представления Аммиана Марцеллина в данном конкретном случае соответствовали действительности – это вопрос особый. Археологическая культура, которую отождествляют с таврами, прослеживается в горных районах южного и юго-восточного побережья Крыма вплоть до III–IV вв.³⁸. Сведения греческих и римских авторов о человеческих жертвоприношениях у этих племен подтверждаются археологическими находками в пещерах-святилищах, относящихся к VII–VI вв. до н.э.³⁹ Этот обряд оставался характерной чертой религиозных верований тавров и в первых веках нашей эры. В Илурате было открыто святилище, построенное местным тавро-скифским населением, которое датируется II–III веками. На жертвеннике этого святилища обнаружены черепа отсеченных человеческих голов⁴⁰. То обстоятельство, что святи-

³⁵ Wissowa G. Diana // RE. 1903. Hlbd 9. Sp. 336.

³⁶ Birt. Op. cit. Sp. 1011.

³⁷ Ермолова И.Е. Историко-этнографические экскурсии в «Деяниях» Аммиана Марцеллина // Молодая наука на рубеже веков. Сб. ст. молодых ученых РГГУ. М., 1997. С. 12–18.

³⁸ Шульц П.Н. О некоторых вопросах истории тавров // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959. С. 251.

³⁹ Щепинский А.А. Пещерные святилища времени раннего железа в горном Крыму // Труды комплексной карстовой экспедиции АН УССР. Вып. 1. Киев, 1963. С. 145, 151.

⁴⁰ Грач. Ук. соч. С. 174 сл.

лице находилось на территории некогда основанного греками поселения, проливает свет на довольно странную на первый взгляд фразу Аммиана в экскурсе о Понте: «Также в Таврике есть несколько городов, среди которых выделяются Евпатория, и Дандака, и Феодосия, и другие меньшие, не опозорившие себя человеческими жертвоприношениями» (XXII. 8. 36). Видимо, в начале I тыс. н.э. еще некоторые городские центры Крыма постепенно теряли свой античный облик, превращаясь в поселения местных племен, совершающих ритуальные убийства. Всегда ли жертвами культа были иноплеменники, сказать трудно. Но один эпитафический памятник II в. из Херсонеса как будто свидетельствует в пользу этой версии. Это надгробная надпись в память врача, убитого таврами (IOSPE. I². 562). Материалы археологических раскопок, в частности в Илурате, не дают никаких указаний на то, какому богу или богам приносились человеческие жертвы.

Горные племена Крыма действительно поклонялись женскому божеству. В самом начале XX в. в центре таврской области, в горах над Ялтой, было найдено святилище варварского женского божества, судя по votivным статуэткам, существовавшее с конца I в. до н.э. до середины IV в. н.э.⁴¹ Здесь находился участок, посвященный Богине-Матери, богине плодородия с ребенком на руках⁴². Были найдены кости свиней, овец и собак, монеты, votивные дощечки⁴³, но никаких следов человеческих жертвоприношений обнаружено не было. Не так давно на перевале Гурзуфское Седло открыто святилище, функционировавшее в III в. до н.э. – III в. н.э. Среди найденных там двенадцати серебряных и бронзовых статуэток богов греко-римского пантеона есть и изображения Артемиды. На жертвеннике много костей животных, но останков людей не обнаружено⁴⁴.

Тем не менее проведенный нами анализ античной традиции позволяет утверждать, что Орсилоха у тавров – это богиня-воительница, аналогичная греческой Артемиде и римской Диане.

И.Е. Ермолова

ON THE EPICLESIS OF THE TAURIC DEITY BY AMMIANUS MARCELLINUS

I.Ye. Yermolova

The article is devoted to the ancient tradition connected with the Northern Black Sea region. It touches upon one of the most popular topics in Graeco-Roman literature – the myth of Artemis/Diana as the Tauric goddess. The aim of the article is to analyze the unusual epiclesis of this deity found only in the work of Ammianus Marcellinus, a historian of the IV c A.D. The author suggests a new interpretation of Diana's epithet – *Orchiloche* as «raising the units», «leader» which is different from the generally accepted one «birth-goddess». This interpretation is substantiated by linguistic, mythographic and historical data and takes into account the worldview of Ammianus Marcellinus.

⁴¹ *Бертье-Делагард А.Л.* Случайная находка древностей близ Ялты // 300ИД. 1907. Т. 27. С. 19–27.

⁴² *Ростовцев М.И.* Эллинство и иранство на юге России. Пг., 1918. С. 125.

⁴³ *Дьяков. Ук. соч.* С. 21; *Зограф А.Н.* Находки монет в местах предполагаемых античных святилищ на Черном море // СА. 1941. № 7. С. 156 сл.

⁴⁴ *Новиченкова Н.Г.* Раскопки античного святилища // АО 1983 г. М., 1985. С. 327; *она же.* Раскопки святилища у Гурзуфа // АО 1984 г. М., 1986. С. 282.